

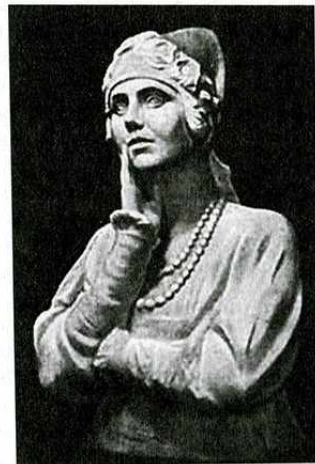
1386845

НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ
Дежкин карагод

НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ

Дежкин карагод

Москва
2011

1386845

Нурская областная
научная библиотека
имени Н.Н. Асеева

повинна Машутка. Мать мочила мне голову святой водой и шептала: «Что делает лукавый с человеком, и откуда такая злоба? Господи, спаси, помилуй!».

Я же, хотя и с шишкой на голове, но чувствовала себя именинницей: пронесло беду.

Мать тут же рассыпалась в милостях: обещала мне купить палевое пальто, шагреновые, со скрипом, полусапожки, на завтра взять с собой в Коренную Пустынь на богомолье, сшить казинетовый¹ тулупчик, а на зиму пустить меня в школу.

Первый раз была мать со мной так гневна и в первый раз я была так счастлива: «Буду, слава Те, Господи, в школе».

* * *

А Коренная Пустынь² в восемнадцати верстах от нас.

Я же дальше леса Мороскина и Липовца не бывала, а это от нас в одной версте. Понятно, что такое далекое путешествие не дало мне в ту ночь заснуть.

Я просила мать разбудить меня до восхода солнца: ведь на Петров день «солнышко играет».

Многие у нас даже видели, как оно разными лентами полыхает и вертится. Игры солнышка хотела я посмотреть.

Мать взбудила меня словами: «Солнышко, Дежка, восходит!» Скорехонько бросилась я на двор, но как ни приглядывалась, а никаких лент не видала, и солнышко не вертелось, а подымалось в покое.

¹ КАЗИНЕТ — хлопчатобумажная или шерстяная одноцветная ткань.

² КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ или Коренная Рождество-Богородичная мужская пустынь — мужской монастырь, расположенный на берегу р. Туксор (ок. 30 км от Курска). Согласно легенде, в 1295 г. на этом месте, в лесу, во время охоты была найдена икона Божией Матери. Рядом же был обнаружен целебный источник, что способствовало притоку в эти места богомольцев. Позднее, в 1597 г. здесь был основан монастырь, существующий и сегодня. Церковный праздник отмечался в сентябре.

Верно, на нынешний Петров день оно стало степеннее, чем в прежние годы.

В Коренную порешили идти после обеда — раньше матери все равно не управиться. Уже носился в воздухе вкусный запах калачей, но до обедни пробовать их не полагалось. Нынче в церковь все выйдут нарядные: сестры наденут лучшие платья, мы, младшие, будем в розовых, и передники с петушками, брат в малиновой рубашке и в новых сапогах, от которых пахнет дегтем, а отец, как всегда, в свитке, где по солдатской привычке все прилажено — складочка в складочке. Отец и в церкви держит шапку по военному.

К храму тянутся люди, длинными яркими лентами. У коновязи стоят повозки, крытые коврами, лошади в богатых сбруях. Это приехали водяновские саяны¹, что в трех верстах от нашего села. Кто победнее, те пришли пешими и теперь в сторонке надевают полусапожки, которые, по бережливости, всю дорогу несли в руках. А бабы водяновские, в шитых золотом панёвах и в кичках, сверкают множеством бус.

В церковной ограде повстречала я Машутку, она сказала мне, что с бабушкой идет в Коренную Пустынь. Значит идем вместе.

В церкви я стала впереди отца, и ему часто приходилось меня одергивать, чтобы я стояла смиренно: а как тут устоишь, когда кругом так много любопытного. На левом клиросе виднеются пышные цветы на шляпках Рышковых барышень, тут же Таничка Морозова в чудном голубом платье, вся в оборках и с турнюром, ну в точь как на картинке, что прилеплена к стенке в горнице Потапа Антоныча. Таких барынь рисовала я на грифельной доске, которую таскала у сестер. Нарисую барыню, а позади непременно собачку.

¹ Саяны — обособленное южнорусское население в северной части Курской губернии, которое с начала XVII в. стало поселяться на землях Коренского Рождество-Богородицкого, Курского, Знаменского и других монастырей.

На правом клиросе сегодня особенно хорошо пел хор, а в хору Егор, сын дяди Дея, и Васютка Степанов, наши певцы, любимцы всей деревни: у одного альт звонкий и чистый, у другого дискант. А главное, они пели «с понятием».

Управлял хором учитель Василий Гаврилович, помахивал рукой, — рука белая, тонкая, не такая корявая, как у моего брата.

Мать говорила, что других дум, кроме молитв, в церкви быть не должно: «Ты как свеча перед Богом должна в церкви стоять».

Я же сегодня совсем на свечу не похожа, верчусь, на месте не устою, в голове мысли грешные — хорошо бы шляпку такую, как на Рышковой барышне, и платье в оборках, как на Тане Морозовой. Шляпки из лопуха, что мы с Машуткой мастерили, совсем не годны. Хочется вот такую.

А белая рука учителя помахивает, будит во мне честолюбивые замыслы: вот в эту зиму учиться пойду и, наверное, буду петь на клиросе, голос у меня не хуже, чем у Махорки Костиковой, которую все село хвалит. А я, не дальше как вchera, в лесу, ее перекричала. Покуда текли мои мысли, отошла обедня. Отец дал мне просфоры, и мы все, после приветствий с родней, тронулись к дому, помолясь по дороге на родных могилках. В избе все было готово и мать ждала нас разговляться.

После обеда, мать и бабка Машутки с котомками за плечами, где было много лакомств, двинулись в Коренную Пустынь.

В руках у них были большие посошки от собак, мне же брат, по случаю моего торжественного выхода, обстругал хорошую палку и даже разрисовал ее. Я была рада, но брат, отдавая мне палку, сказал:

— На тебе, дьякон патепский, путешествуй.

Обиделась я и палки не взяла, так как кличка «дьякон патепский» мне была ненавистна. А дали мне ее потому, что моя маленькая, кверху закорючкой, косица была, видно,

такая же, как у пьяницы и бродяги дьякона, согнанного из села Патепика.

Уговорить принять подарок брату было легко. Он сказал, что как я не бродяга и не пьяница, то на дьякона не похоже, а что косичка крючком — то пустяки.

Я дар приняла.

На удивление матери и бабки, мы с Машуткой, верхом на палке, бодро проскакали почти полпути. На привалах им приходилось нас удерживать.

Не дошли мы еще до Коренной восьми верст, как перед нами в роще, на горе, засияли золотые купола Святой обители.

Бывало, в своей деревенской церкви, я думала, что такой церкви, верно, нигде на свете нет, разве только у царя хоромы не хуже, а тут такая красота, и не далеко, где царь, а совсем от нас близко.

Перезезжали мы на пароме, поднимались по старинной длинной лестнице. Мимо проходили монахи, неся на руке подолю черных мантий... Всё чудеса, чудеса невиданные.

Отдохнув, мы пошли ко всенощной. Народу много, и духота. Я усердно молилась и, не отставая от матери, истово была поклонны. Но мать моя вдруг обернулась и стала шепотом укорять стоявшего позади нас господина, обличем барина, который делал вид, что усердно молится и что укору не к нему. Да мать не проведешь, — у нее не раз вытаскивали из кармана денежки кровные, завязанные в уголок платка, и такая беда всегда случалась с нею именно на богомолье; но теперь в кармане ее, не без умысла, лежал не платок, а острием вверх арбузный нож.

Вот на этот-то нож, видно, сильно накололся «богомольный» вор. Мать не оставила вора в покое, выговаривала ему:

— Бесстыжие твои глаза, нашел, где воровать — в храме Божиим. Небось ручка-то болит, а еще барин.

Я представляла себе вора всегда бедняком, а тут барин — брюки навыпуск. Ох, чудеса.

Отстояв вечерню, мы отправились на ночлег в монастырскую гостиницу. После утомительного дня я сразу усну-

ла и спала так крепко, что к ранней меня не будили. Мать принесла мне нитку красных бус и торопила умыться, чтобы поспеть к поздней.

После обеда мы сошли вниз в часовню, ко Святому колдуну, где явился образ Знамени Божией Матери.

Несметная толпа богомольцев, с великой верой пришедшая сюда из разных губерний российских за сотни и тысячи верст, принесла в сердцах своих радости и горести, чтобы, выплакать их или чтобы благодарить за тихие милости Пресвятую Владычицу.

Я помню, когда приносили к нам в деревню эту чтимую святыню, все от мала до велика надевали лучшие одежды. Мылись-чистились избы, и столы застилались самыми лучшими скатертями, точно к Светлому Празднику.

Ежегодно свершались в нашей избе акафисты Пресвятой Богородице, а последний раз, в 1918 году, в родном Винниково была у меня всенощная перед образом... И вот теперь, когда я живу на чужбине, вдруг, точно Божия милость, появляется здесь, в Париже, родная святыня. И как припала я к ней — хлынули ко мне трепетные волны воспоминаний.

Было в тот день почти пусто в посольской парижской церкви, а посредине, на аналое, увенчанный розами покоился образ, из-под которого трогательно виднелись концы простого, шитого крестиком, полотенца. Как все это дорого, как близко сердцу — точно повидалась я со всеми родными, побывала в нашей беленой горнице.

Вот почему не расстаюсь я с сухим цветком, который дала мне сестра из святого венка, осенявшего образ...

Прожили мы в Коренной три дня, и мать решила пойти в город Курск и уже оттуда — домой.

Увидеть город — вот чудеса, — тот дальний город, откуда к нам в ясный день доносится тихий благовест. Я не раз слушала бархатный курский звон, долетавший до нас за многие версты. И вот я иду, нет, еду, на расписной палке, и Машутка не поспевает за мной. Скорее, скорее бы город.

— Мама, что там белеется большое?

— Это, Дежка, ворота Московские¹ Поставили, сказывают, их, как к нам в Курск изволила государыня Екатерина Великая жаловать. Вот в ворота те она, матушка, и въезжала.

Недалеко от ворот, у хмурого желтого здания, работали люди. Были все они в сером, как один, и серые шапки без козырьков.

— Кто, мам, такие: чай, школьники?

— Нет, несчастные. Господь их ведает, за какие дела сюда их послали. Только несчастные.

И мать ступила к одному из них и дала пятак.

— Прими, милостеньку, Христа ради.

Я тихо спросила:

— А они не разбойники?

— Может, есть и разбойники. Арестанцы они.

Мы шли по длинной и ровной Московской улице, которая мне показалась прекрасной. От удивления, засунув палец в рот, я спотыкалась на каждом шагу и еле попевала за матерью, «глазая» по сторонам.

А шляпки встречались одна наряднее другой, а над головой висели балконы. Дивило меня их устройство: без подпорок, они словно бы висели в воздухе и очень напоминали мне большие серые гнезда ласточек. И Машутка примолкла, а рот открыт. Так и дошли до собора.

На колокольне собора курского знаменит Чудо-Колокол. Его Божий звон плывет чистой и мощной волной по окрестностям. По вечерней зоре мы не раз всей семьей выходили на крыльцо избы, благоговейно слушая дальний бархатный благовест.

Горячо я молилась в соборе и давала всяческие обеты: замуж не идти и всем сказать, чтобы меня не дразнили «сенькой сопатым и женихом», еще попрошу, чтобы отец отдал мне старые ясли, а мать попонки из приданого моего, а остальное пусть себе заберут.

¹ В действительности Московские ворота были построены в 1823 г. по случаю приезда в Курск Александра I на месте прежних въездных деревянных ворот.

Я же ясли прикрою попонками, заставлю их на зиму снопами и, по примеру древних сподвижников, удалюсь от мира в пустынь. Далеко забираться в лес на житье отшельное страшно мне; надо думать, можно спастись и в яслях на огороде.

Еще дала обет не сердиться и у Машутки прощения просить, что потихоньку ругала ее черным словом.

Из собора пошли мы ночевать в Девичий Монастырь¹, к знакомым монахиням. По дороге, где были лавочки с пряниками, я забыла, что в подвижнической жизни надобно воздержание, и все приставала, чтобы мать пряника мне купила. Просто глаза разбегались: разноцветные коврижки и белые коньки, карамель всякая в золотой бумаге, на концах бахромы. У Козурки, нашего деревенского лавочника, такого и не бывало.

В Девичьем Монастыре все знали Акулину Фроловну и встретили нас приветливо. Монахини гладили меня по голове.

Монастырский двор был выстлан красным кирпичом, в елочку. У каждой кельи цветов было множество. Тишина. Монахини не ходили, а как бы скользили без шума. Хорошо, как в раю.

У двух старушек-монахинь, к которым мы пришли ночевать, кроткие лица так и светились тихой радостью, а глаза были ясные, как у детей. Старшую звали Милетина, а которая помоложе — Конкордия.

Уютные кельи устланы самодельными ковриками, лампады теплятся у образов. Покойная тишина и запах русских монастырей: кипариса, ладана, миро.

Нас угощали чаем с вишневым вареньем и сдобной булкой. Подавала на стол келейница Поля, некрасивая, но милая девушка.

Вдруг за дверью послышался молодой голос:

¹ Речь идет о Курском Троицком женском монастыре, основанном в начале XVII в. Монастырь располагался на ул. Поповской, близ Красной площади.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

— Аминь, — ответила мать Милетина.

В келью вошла молодая монашка в остроконечной черной повязке, с бледным лицом. Она попросила благословения у матушки Милетины и пригласила ее на спевку: матушке Милетине хотя и было уже под шестьдесят, но была она лучший канонарх монастырский.

И вот мы в церкви стоим, а с левого и правого клироса идут тихо и стройно черные монахини. Вот стали они полукругом перед Царскими Вратами, а посреди матушка Милетина с морщинистым, но тонким лицом, прекрасная в своей черной мантии.

— Глас шестый. Господи возвах к Тебе, услыши мя.

Проникновенному альту плавно ответил весь хор. В нежной волне голосов слышался мягкий бас. К моему удивлению, басом пела тоже монахиня — бывает...

Я еле сдерживала слезы умиления. Множество свечей, как стая огненных мотыльков, колыхалось над огромными серебряными подсвечниками, заливая светом своим драгоценные ризы святых. У большого образа Матери Божией играет разными огнями множество лампад. К этому образу чинно подходили и прикладывались богомольцы. Там стояла монахиня и вытирала со стекла следы поцелуев чистым полотенцем. Сияли пелены, изумительно расшитые золотом. Все сияло изумительной красотой.

Меня охватил молитвенный восторг, я твердо порешила уйти в монастырь...

Не расставалась я с мыслью уйти в монастырь и когда мы вернулись с богомолья домой. В моей детской голове стояли образы кротких монахинь.

Прошли праздники, закипела работа. Мне дела было много, да еще любимого: ездить в поле с отцом, таскать там снопы и навивать возы, а за это, в награду, возвращаться, сидя высоко на возу, и сбрасывать снопы на гумне.

Через три дня началась молотья — вот раздолье.